

Латкин Василий Николаевич

**Лекции по истории русского
права, читанные в
Императорском Училище
правоведения профессором В.Н.
Латкиным**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Николаевич Л.**
Лекции по истории русского права, читанные в Императорском Училище правоведения профессором В.Н. Латкиным / Латкин Василий Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 506 с.

ISBN 978-5-519-92548-8

ISBN 978-5-519-92548-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Удѣльно-вѣчевой періодъ.

Внѣшняя исторія.

Обычное право.

Одна изъ особенностей удѣльно-вѣчевого періода, это—господство обычнаго права, являющагося тѣмъ юридическимъ базисомъ, на которомъ зиждется весь строй политическихъ и общественныхъ отношеній древней Руси. Благодаря такому значенію обычая, законъ въ качествѣ источника права, игралъ въполнѣ второстепенную роль. Въ этомъ удѣльно-вѣчевой періодъ представляетъ полную противоположность съ нашимъ временемъ, когда законъ занимаетъ первое мѣсто и обычныя нормы, несогласныя съ нимъ, считаются недействительными и, въ силу этого, неподлежащими исполненію.

При изученіи обычая, какъ источника права, является вопросъ, кто его установилъ, кѣмъ выработаны его нормы? Нѣкоторые ученые полагаютъ, что обычное право установлено болѣе или менѣе авторитетными лицами и получило обязательную силу, благодаря выдающемуся положенію его составителей и тому уваженію, съ которымъ къ нимъ относился народъ. Но теперь это мнѣніе оставлено, чему значительно способствовало изученіе современнаго быта людей, находящихся въ примитивномъ состояніи.

Въ настоящее время держатся другого мнѣнія, а именно: полагаютъ, что опредѣлить время и способъ возникновенія обычнаго права весьма трудно, въ виду того, что оно не есть продуктъ дѣятельности какихъ-либо отдѣльныхъ личностей, но всего народа въ теченіе долгой исторической жизни послѣдняго. Несмотря, однако, на подобную неизвѣстность происхожденія, обычное право имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ нормы его

считаются обязательными, вслѣдствіе признанія ихъ таковыми со стороны всего народа.

Изучая обычай, прежде всего необходимо обратить вниманіе на его, такъ сказать, партикуляристскій характеръ. Это значить, что нѣтъ обязательной для всѣхъ обычной нормы на всемъ пространствѣ территоріи, населенной извѣстнымъ народомъ; она имѣетъ силу дѣйствующаго права въ опредѣленномъ только мѣстѣ и притомъ сравнительно небольшого объема. „Имяху каждый свой нравъ“, говоритъ лѣтописецъ, характеризуя древнихъ русскихъ. „Поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ кротокъ и тихъ“, напротивъ, другія (тоже русскія) племена, „живяку звѣринскимъ образомъ... въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь“. Такимъ образомъ, по свидѣтельству нашей первоначальной лѣтописи, въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ племенъ древней Руси существовали разные обычаи. То же самое мы встрѣчаемъ и теперь у нашихъ крестьянъ.

Обычай носилъ у древнихъ русскихъ самыя разнообразныя названія. Его называютъ то обычаемъ, то закономъ, то покономъ, то поплиной, то стариной. Всѣ эти названія ясно указываютъ на существо обычая. Такъ, слово „обычай“ происходитъ отъ глагола обикнуть, т. е. привыкнуть и означаетъ правило, къ которому всѣ привыкли. Названіе „поплина“ указываетъ на давность происхожденія обычая, онъ какъ бы „попелъ“ съ давняго времени, на что также указываетъ и другое его названіе „старина“.

Обычай выражался въ самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ формахъ, напр.: въ формѣ юридическихъ дѣйствій, когда одинъ и тотъ же юридическій актъ совершался постоянно одинаковымъ образомъ; въ формѣ письменныхъ актовъ, куда должны быть отнесены судебные приговоры и законодательные памятники (напр., Русская Правда); въ формѣ символовъ и обрядовъ (напр., рукобитіе при заключеніи договоровъ, врученіе юношѣ меча при наступленіи совершеннолѣтія и т. п.) и, наконецъ, въ формѣ пословицъ (напр., „молодой на битву, а старый на думу“, „на одномъ вѣчѣ да не однѣ рѣчи“, „мужъ крѣпокъ по женѣ, а жена крѣпка по мужу“ и т. п.

Древніе русскіе смотрѣли на обычай, какъ на норму божественнаго происхожденія, какъ на священное правило. „Такъ

жили наши отцы и дѣды; такъ и мы должны жить“, „что старѣе, то правѣ“, говорили они. При такой точкѣ зрѣнія на обычай дѣлается вполне понятнымъ тотъ консерватизмъ, который присущъ обычному праву: всѣ измѣненія его происходили понемногу и въ продолженіе долгаго времени.

Договоры.

Вторымъ источникомъ русскаго права разсматриваемаго періода являются договоры. Они имѣютъ вполне законодательный характеръ, такъ какъ опредѣляютъ тѣ стороны юридическаго быта народа, которыя не нашли своего опредѣленія въ обычномъ правѣ или по поводу которыхъ обычное право заключаетъ въ себѣ нѣсколько различныхъ опредѣленій, несогласованныхъ между собою. Само собою разумѣется, что въ составъ содержанія договоровъ входили также и нормы обычнаго права.

Виды договоровъ были слѣдующіе:

А. Международные.

Къ этой категоріи относятся договоры русскихъ князей съ иноземными государствами, а именно: договоры съ греками и съ нѣмцами.

Договоровъ съ греками было *четыре*. Первый относится къ 907 г. и заключенъ послѣ похода Олега на Византію. Онъ не дошелъ до насъ въ подлинникѣ, а лишь въ пересказѣ лѣтописца, вслѣдствіе чего нѣкоторые ученые сомнѣваются въ его существованіи. Однако, едва ли подобное сомнѣніе правильно, такъ какъ, отрицая фактъ заключенія названнаго договора, т. е. относясь недовѣрчиво къ разсказу лѣтописца, пришлось бы также недовѣрчиво отнестись и ко многимъ остальнымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ лѣтописью. При отсутствіи книгопечатанія въ древней Руси, фактъ потери подобнаго памятника весьма возможенъ, но отсюда еще нельзя дѣлать заключеніе о несуществованіи самаго памятника. Содержаніе договора состоитъ: 1) въ изложеніи условій заключенія міра между русскими и греками и 2) въ опредѣленіи юридическаго положенія русскихъ въ Византіи.

Второй договоръ относится къ 911 г. Онъ гораздо полнѣе

перваго договора опредѣляетъ юридическое положеніе русскихъ въ Византійской имперіи и содержитъ въ себѣ не мало постановленій, относящихся къ гражданскому и уголовному праву. Третій договоръ заключенъ Игоремъ въ 945 г. послѣ довольно неудачнаго похода названнаго князя на Византію. Договоръ содержитъ въ себѣ подтвержденіе прежнихъ правъ русскихъ, кромѣ нѣкоторыхъ ограниченій послѣднихъ, введенныхъ въ него греками. Наконецъ, четвертый договоръ, заключенный Святославомъ въ 947 году, содержитъ въ себѣ обязательство со стороны русскаго князя не воевать съ греками и оказывать имъ помощь въ войнахъ съ другими народами.

Изучая договоры, прежде всего приходится разрѣшить вопросъ о пространствѣ ихъ дѣйствія. Нѣкоторые ученые, напр., проф., Владимірскій-Будановъ, думаютъ, что договоры дѣйствовали какъ въ Византіи, такъ и въ Россіи. Другіе же, напр., проф. Сергѣевичъ, ограничиваютъ пространство дѣйствія ихъ одной Византіей. Послѣднее мнѣніе основывается на толкованіи нѣкоторыхъ статей договоровъ и на анализѣ обстоятельствъ того времени. Мы знаемъ, что до принятія христіанства въ Россіи грековъ почти не было, между тѣмъ, какъ русскіе ѣздили очень часто въ Византію, ведя обширную торговлю съ послѣдней; кромѣ того, всѣ договоры говорятъ исключительно о русскихъ, живущихъ въ Византіи, а не въ Россіи. Правда, въ договорѣ 945 года есть статья (3-ья), которая при неправильномъ толкованіи можетъ служить доказательствомъ въ пользу мнѣнія о дѣйствіи договоровъ также и въ Россіи. Текстъ этой статьи слѣдующій: „Аще ускочитъ челядинъ отъ Руси, понеже придутъ въ страну царствія нашего, и отъ святаго Мамы аще будетъ, да поимутъ и“. Проф. Владимірскій-Будановъ переводитъ эту статью слѣдующимъ образомъ: „если челядинъ (Руссъ) убѣжитъ изъ Руси и придетъ въ Греческое царство или убѣжитъ отъ св. Мамы, то, если найдутъ его, пусть возьмутъ“ (Христоматія по истор. рус. пр., стр. 130). Между тѣмъ подобный переводъ совершенно несогласенъ съ подлинникомъ, такъ какъ игнорируетъ слово „понеже“, вслѣдствіе чего и получается извращеніе смысла статьи. Принявъ во вниманіе это слово, мы получимъ

слѣдующій переводъ: „если челядинъ убѣжитъ отъ русскихъ, *такъ какъ* они приходятъ въ страну царства нашего и окажется, что онъ дѣйствительно убѣжалъ отъ св. Мамы (мѣсто стоянки русскихъ), то его должно выдать русскимъ“. Это чтеніе, предложенное проф. Сергѣевичемъ, исполнѣ правильно и, благодаря ему, мы видимъ, что статья предназначена для дѣйствія только въ предѣлахъ Византіи, что и понятно, разъ констатированъ фактъ отсутствія грековъ на Руси въ эпоху, современную договорамъ.

Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду только тѣ статьи, которыя относятся къ праву гражданскому и уголовному; постановленія же публичнаго права дѣйствуютъ одинаково въ Россіи и Греціи, напр., статьи объ условіяхъ заключенія мира и о помощи, которую должны оказывать русскіе грекамъ, конечно, обязательны для обѣихъ сторонъ и въ предѣлахъ обоихъ государствъ, но такихъ статей сравнительно немного.

При анализѣ содержанія договоровъ, необходимо еще разрѣшить другой вопросъ, а именно, какое право заключается въ нихъ русское или византійское? Сравнивая правовыя начала договоровъ съ правомъ русскимъ и византійскимъ, мы должны притти къ тому заключенію, что они содержатъ въ себѣ постановленія того и другого права и, сверхъ того, еще постановленія, имѣющія характеръ компромисса между столь разнорѣчивыми системами правъ, какъ русское обычное и византійское, являющееся дальнѣйшимъ развитіемъ римскаго права.

Хотя договоры и не дѣйствовали въ предѣлахъ Россіи, но будучи хорошо извѣстны многимъ русскимъ, ведшимъ торговлю съ Византіей, а также благодаря существовавшему переводу ихъ на русскій языкъ, они должны были оказать извѣстное вліяніе на русскій юридическій бытъ, вводя въ него новыя правовыя начала, заимствованныя изъ греко-римскаго права. Съ другой стороны, благодаря договорамъ, русское право впервые было выражено въ письменной формѣ.

Кромѣ договоровъ съ-греками, древніе русскіе входили также въ договорныя отношенія и съ нѣмцами, въ виду болѣе или менѣе тѣснаго общенія, установившагося между Русью и многими нѣмецкими городами, а также Ливоніей въ интересахъ

главнымъ образомъ, торговли. Такихъ договоровъ не мало и всё они до нѣкоторой степени служили проводниками къ намъ нѣмецкихъ правовыхъ началъ.

Б. Междукняжескіе договоры.

Вторымъ видомъ договоровъ были договоры междукняжескіе. Они заключались, вслѣдствіе раздробленности Руси на множество княженій, бывшихъ вполнѣ независимыми другъ отъ друга и, въ силу этого, нуждавшихся въ урегулированіи своихъ взаимныхъ отношеній. Договоры назывались рядами, цѣлованіями и докончаніями.

Форма ихъ была слѣдующая: 1) введеніе, 2) содержаніе и 3) заключеніе. Введеніе начинается обыкновенно такими словами: „се князь.... съ своею братьею молодшею со княземъ.... и со княземъ.. цѣловали еси мижи собе крестъ“. Затѣмъ слѣдуетъ самое содержаніе договора, раздѣленное на статьи (хотя безъ нумераціи). Наконецъ, договоръ заканчивается особымъ заключеніемъ, т. е. скрѣпленіемъ его крестнымъ цѣлованіемъ, выражающимся въ слѣдующей формѣ: „на семъ на все цѣловали еси крестъ мижи собе по любви въ правду“. Обыкновенно къ договору привѣшивалась печать и затѣмъ съ него снималась копія. Кромѣ того, обѣ стороны обмѣнивались подлинниками договоровъ, для чего они писались въ двухъ экземплярахъ.

Содержаніе договоровъ самое разнообразное и относится преимущественно къ сферѣ государственнаго права, такъ: князья заключаютъ миръ, хлопчутъ о правахъ для своихъ служилыхъ людей и купцовъ, обезпечиваютъ независимость своихъ княженій, устанавливаютъ правила выдачи преступниковъ, обязуются оказывать другъ другу военную помощь и т. п.

В. Договоры князей съ городами.

Третій видъ договоровъ, это — договоры князей съ городами. До насъ дошли только договоры, заключенные Новгородомъ съ князьями (ихъ всѣхъ 20). Древнѣйшій изъ нихъ отно-

ится къ 1265 году, но было бы ошибочно утверждать, что раньше этого года договоры не заключались, такъ какъ въ этомъ же первомъ договорѣ дѣлаются ссылки на обычай новгородцевъ вступать въ договорныя отношенія съ князьями. Въ немъ, напри-
мѣръ, мы встрѣчаемъ такую фразу: „такъ, княже, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, отъ твоихъ и нашихъ“, т. е. обычай заключать договоры между Новгородомъ и княземъ есть обычай стародавній.

Мнѣніе о существованіи подобныхъ договоровъ раньше упомянутаго договора 1265 г. подтверждается еще тѣмъ, что въ лѣтописи подъ 1218 г., при извѣстіи о цѣлованіи креста княземъ, встрѣчается слѣдующая фраза: „ты намъ крестъ цѣловаль безъ вины мужа не лишиши“, фраза, повторяющаяся впослѣдствіи во всѣхъ договорахъ. Такимъ образомъ, нужно думать, что уже въ 1218 г. князь, цѣлуя крестъ новгородцамъ, вступилъ съ ними въ извѣстное договорное отношеніе.

Внѣшняя форма договоровъ разсматриваемаго вида вполне аналогична съ внѣшней формой междукняжескихъ договоровъ.

Княжескіе уставы.

Третьимъ источникомъ русскаго права являются княжескіе уставы.

Уже вскорѣ послѣ принятія христіанства началась уставная дѣятельность князей. Такъ, лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ Св. „съ новыми отцы нашими епископы снимаяся часто, совѣщашеся, како въ человѣцѣхъ сихъ.... законъ установити“. Тотъ же князь, по словамъ лѣтописи, думалъ и съ дружиною „объ уставѣ землеѣмъ“. Продуктами подобной законодательной дѣятельности князей являются церковные уставы, изъ которыхъ болѣе важные, это—уставы Владиміра Св. и Ярослава.

Содержаніе ихъ исчерпывается опредѣленіемъ юрисдикціи церковныхъ судовъ и постановленіями, касающимися десятины и преступленій противъ церкви, правъ семейства и нравственности, подлежавшихъ вѣдѣнію церковныхъ судовъ.

Историческая критика, изслѣдуя названные уставы, повергла

сомнѣнію фактъ ихъ составленія двумя упомянутыми выше князьями, не представля, однако, въ подтвержденіе такого своего мнѣнія достаточно вѣскихъ доказательствъ. Вполнѣ возможно, впрочемъ, что уставы въ цѣломъ видѣ—не продуктъ законодательной дѣятельности только двухъ указанныхъ князей, но что въ нихъ внесены также и постановленія болѣе поздняго времени.

Разсматриваемые памятники сослужили роль проводниковъ къ намъ византійскаго права, бывшаго ихъ главнымъ источникомъ.

Византійское право.

Византійское право, какъ видно изъ разсмотрѣнныхъ нами законодательныхъ памятниковъ, играло весьма важную роль въ качествѣ источника нашего права, въ виду чего необходимо нѣсколько остановиться на немъ.

Какъ извѣстно, въ Византійской имперіи церковь пользовалась большой дозой самостоятельности въ области законодательства. Правда, предметомъ послѣдняго являлись церковныя дѣла, но, въ виду отсутствія твердой границы между компетенціей церкви и государства, сплошь да рядомъ случалось, что какъ церковь, такъ и государство разрѣшали одни и тѣ же законодательные вопросы. Вслѣдствіе подобнаго порядка вещей, уже въ VI ст. появилась потребность въ законодательныхъ сборникахъ, вмѣщающихъ въ себѣ какъ церковныя, такъ и свѣтскія постановленія, размѣщенные въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ. Удовлетворителемъ этой потребности явился Іоаннъ Схоластикъ, бывшій впослѣдствіи константинопольскимъ патріархомъ. Онъ составилъ систематическій сборникъ церковныхъ и государственныхъ постановленій по церковнымъ дѣламъ, изложенныхъ параллельно другъ съ другомъ. Это собраніе, раздѣленное на 50 титуловъ, получило названіе Номоканона (отъ *nomos* и *kanon*, т. е. законъ государственный и законъ церковный), вслѣдствіе смѣшаннаго состава своихъ постановленій. Въ VI же столѣтіи появилось и другое собраніе такого же рода, получившее названіе Номоканона въ 14-ти титулахъ (авторъ его не извѣстенъ). Три столѣтія спустя, вслѣдствіе крайне размножившагося законодательнаго матеріала, патріархъ Фотій снова былъ вынужденъ

предпринять новый кодификаціонный трудъ, въ основу котораго онъ положилъ Номоканонъ въ 14-ти титулахъ. Названный трудъ былъ оконченъ въ 883 г. и долгое время послѣ того пользовался большимъ уваженіемъ, будучи употребляемъ практиками и исправляемъ и комментируемъ учеными.

Въ Россію со времени принятія ею христіанства вмѣстѣ съ остальными греческими церковно-служебными книгами проникли и Номоканоны, получившіе у насъ названіе Кормчихъ книгъ. Въ концѣ XIII ст. появляются два списка Кормчихъ: софійскій и рязанскій, при чемъ въ первомъ встрѣчаются также и чисто русскія постановленія, напр., статьи изъ церковныхъ уставовъ, Русской Правды и др. Затѣмъ въ обоихъ спискахъ помѣщены также и градскіе законы, т. е. сборники свѣтскаго византійскаго законодательства. Изъ нихъ болѣе важными были: Эклога императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима 741 г., содержащая въ себѣ постановленія гражданскаго и отчасти уголовнаго права и Прохиронъ, составленный по предписанію императора Василія Македонянина на основаніи законодательства Юстиніана.

Кормчая книга примѣнялась у насъ въ церковныхъ судахъ; объ этомъ имѣется не мало свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, въ Ростовской лѣтописи подъ 1385 г. находимъ слѣдующее указаніе: „цѣловаше крестъ посадникъ на вѣчѣ и бояре, и дѣти боярскія, и всѣ черные люди, и вся пять концовъ на томъ, чтобы судити владыкѣ Алексѣю въ правду по Номоканону“, указывающее на то, что въ Новгородѣ было постановлено на вѣчѣ примѣнять Номоканонъ въ церковныхъ судахъ. Точно также и ст. 1. Новгородской судной грамоты постановляетъ: „нареченному на архіепископство Великаго Новгорода и Пскова священному иноку Теофилу судити судъ свой святительскій по Св. Отецъ правилу, по Номоканону“.

Ханскіе ярлыки.

До нѣкоторой степени слѣдуетъ считать также источниками нашего права и ханскіе ярлыки, дававшіеся татарами князьямъ и духовенству. Ярлыки князьямъ обыкновенно выдавались на

княженіе и обезпечивали за извѣстнымъ княземъ право на опредѣленный столъ. Что же касается до ярлыковъ, выдаваемыхъ духовенству, то ими за послѣднимъ обезпечивались разныя привилегіи, напр., освобожденіе отъ дани, право суда въ ихъ владѣніяхъ, запрещеніе татарскимъ чиновникамъ (баскакамъ) вѣзжать въ имѣнія духовенства и т. п. До насъ дошли только ярлыки второго вида.

Русская Правда.

Всѣ указанныя законодательные памятники не были сведены въ систему, вслѣдствіе чего потребность въ кодификаціи стала сильно чувствоваться. Первымъ сборникомъ, сведшимъ до нѣкоторой степени во едино наше древнее право—была Русская Правда. Ее впервые открылъ Татищевъ въ 1738 г., а издалъ Шлецеръ въ 1767 г. Русская Правда дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, которые могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ категоріямъ: краткіе списки (содержащіе 43 статьи) и пространные (состоящіе изъ болѣе, чѣмъ 100 статей).

Краткіе списки болѣе ранняго происхожденія. Это доказалъ проф. Сергіевичъ. Его доказательства сводятся къ слѣдующему: 1) въ нихъ встрѣчается еще указаніе на мѣсть, чего нѣтъ въ пространныхъ спискахъ, а такъ какъ институтъ мести существовалъ въ самыя древнія времена, то, слѣдовательно, памятники, въ которыхъ находится указаніе на мѣсть, должно считать болѣе древними. 2) Въ краткихъ спискахъ деньги называются „скотомъ“, что указываетъ на то древнее время, когда еще денегъ въ собственномъ смыслѣ этого слова не было. 3) Въ нихъ говорится о выкупѣ за убійство, при чемъ не обращается вниманія на общественное положеніе убитаго. Въ пространныхъ же спискахъ за убійство княжаго мужа полагается 80 гривенъ, а за простого человѣка 40 грив.; это есть несомнѣнный признакъ того, что краткіе списки принадлежатъ болѣе древнему времени, когда общественное положеніе убитаго не принималось въ расчетъ.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ Русской Правды является обычай, что становится вполне понятнымъ при томъ господствѣ его, какое имѣло мѣсто въ удѣльновѣчевомъ періодѣ.